

Тургенев и Токвиль об экономической роли несвободы и подневольного труда

ДМИТРИЙ ПАНЧЕНКО

Доцент, кафедра проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ); доцент, департамент истории, Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (НИУ ВШЭ СПб). Адрес: 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17. E-mail: dpanchenko@hse.ru.

Ключевые слова: Иван Тургенев; Алексис де Токвиль; Артур Юнг; крепостное право; рабство; интертекстуальность.

«Записки охотника» открываются сопоставлением жизненных укладов двух соседних уездов: «Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избушках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах» и т. п. Тургеневская зарисовка зиждется на личных впечатлениях автора, а ее центральная мысль — губительная роль барщины в противоположность относительно свободному состоянию оброчных мужиков — была основательно продумана автором.

Есть основания полагать, однако, что впечатления и убеждения, выраженные здесь Тургеневым, оформились не без влияния литературного

образца, а именно главы о рабстве из «Демократии в Америке» Алексиса де Токвиля. В этом тексте выражена сходная мысль и используется аналогичный художественный прием — противопоставляются два американских штата, расположенных по разным берегам реки, в одном из которых разрешено иметь рабов, а в другом запрещено. Сам Токвиль не был первым, кто воспользовался образом реки, разделяющей два соседних, но экономически разных мира: этот прием встречается уже у Артура Юнга. При всей близости позиций Токвиля и Тургенева первый, будучи исследователем, сосредоточен на экономической несостоятельности рабовладельческого общества и его разрушительном влиянии на самих людей, живущих за счет подневольного труда, тогда как Тургенев-писатель в «Записках охотника» показывает, как крепостнический уклад калечит судьбы зависимых людей.

В 1842 ГОДУ Иван Сергеевич Тургенев, кандидат философии, готовился к поступлению на службу в Министерство внутренних дел и составил для него записку, в которой, в частности, заявил о намерении сосредоточиться на изучении государственного хозяйства:

Прежде нежели я приступлю к изложению моих мыслей насчет русского крестьянина и русского хозяйства, не излишним почитаю заметить, что хоть я исключительно не занимался политической экономией, но знаком со всем, что, принадлежа собственно к науке государственного хозяйства, входит в область истории и географии; сверх того, мне известно довольно значительное количество отдельных фактов, собранных мною на опыте и посредством чтения. А потому замечания, которые я намерен предложить в следующей статье, могут только служить залогом моих ревностных будущих занятий по части государственного хозяйства, изучению которого я решился посвятить все мое время¹.

В записке много точных наблюдений. Русский крестьянин, русский помещик и отношения между ними обсуждаются в ней со знанием дела. Правда, идеи автора выглядят слишком общими и какой-либо ясный план действий не излагается.

Весной 1845 года Тургенев под предлогом болезни покинул Министерство внутренних дел² и, как мы знаем, посвятил свое время не изучению государственного хозяйства, а литературе и Полине

1. *Тургенев И. С.* Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянине // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. 2-е изд. М.: Наука, 1978. Т. 1. С. 419.
2. См. его письма к Николаю I от 3 (15) апреля и К. К. фон Полю от 4 (16) апреля 1845 года, а также комментарий к ним: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1982. Т. 1. С. 347–348, 541. В краткой автобиографии, написанной в 1875 году, Тургенев утверждает, что «служил очень плохо и неисправно», и при этом неточно указывает годы службы (*Тургенев И. С.* Автобиография // Соч. М.: Наука, 1983. Т. 11. С. 204).

Виардо. Однако его служебная записка позволяет понять, что круг чтения молодого Тургенева мог быть весьма широк³.

Ранний интерес Тургенева к политической экономии и судьбе земледельческих классов России благотворно отразился в том самом произведении, которое, можно сказать, определило его судьбу как писателя: в «Хоре и Калиныче». Тургенев вспоминал, как Белинский «после первого приветствия, сделанного моей литературной деятельностью, весьма скоро — и совершенно справедливо — охладел к ней» и как сам он «возымел твердое намерение во все оставить литературу». По счастью, этого не случилось:

...вследствие просьб И. И. Панаева, не имевшего чем наполнить отдел смеси в 1-м номере «Современника», я оставил ему очерк, озаглавленный «Хорь и Калиныч». (Слова «Из записок охотника» были придуманы и прибавлены тем же И. И. Панаевым с целью расположить читателя к снисхождению.) Успех этого очерка побудил меня написать другие; и я возвратился к литературе⁴.

«Записки охотника» принесли Тургеневу мировую славу, а открывающий книгу очерк «Хорь и Калиныч» начинается с сопоставительного описания хозяйственного уклада двух соседних уездов:

Кому случалось из Волховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский об-

3. Отметим также, что политическая экономия входила в программу обучения Тургенева в Санкт-Петербургском университете. Правда, за эту дисциплину его оценка была «очень хорошо» (как и по русской истории и закону божьему), а по греческой и римской словесности, истории русской литературы, всеобщей истории и французскому языку — «отлично» (Тургенев И. С. Письма. Т. 1. С. 538).

4. Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском // Соч. Т. 11. С. 46. Насколько можно положиться на слова Тургенева о происхождении подзаголовка «Из записок охотника»? Дело в том, что за год до публикации «Хоря и Калиныча» вышла книга Луи Виардо под названием «Воспоминания об охоте» (*Souvenirs de chasse*), и в письме к Полине Виардо от 8 (20) ноября 1846 года Тургенев отзывается об авторе весьма лестно (Тургенев И. С. Письма. Т. 1. С. 215, 360). Правда, в том же томе «Современника» есть материал «Из записок артиста» (за подписью «Ъ»): это название точно придумал не Тургенев, вполне возможно — Иван Панаев. Ср.: Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа: Из истории русско-европейских литературных и общественных связей. СПб.: РХГА, 2003. С. 81–82.

рочный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах. Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих раkit, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке не разметан и не вывалился наружу, не зовет в гости всякую проходную свинью...⁵

Эта блистательная зарисовка основана, конечно, на личных впечатлениях Тургенева, а ее стержень — мысль об удручающих последствиях уклада, основанного на принуждении крестьянина к барщине, в противоположность условиям относительно вольного состояния оброчных мужиков; и это сознательная позиция⁶. Манера письма выглядит зрелой и вполне самостоятельной, даже если «всякую проходную свинью» отнести на счет влияния Гоголя.

5. Тургенев И. С. Записки охотника // Соч. М.: Наука, 1979. Т. 3. С. 7.

6. Интересно, что в записке 1842 года контраст между жизнью крестьян на оброке и жизнью на барщине не выделен. Хотя барщина и там хуже, чем оброк, однако в качестве одного из «важнейших неудобств нашего хозяйства» выступает не барщина сама по себе, а «недостаток законности и положительности в отношении помещиков к крестьянам». А именно: «Эти отношения почти ничем не определены и большей частью зависят от прихоти владельцев. Они бывают двоякого рода, смотря по тому, деньгами ли, работою ли взыскивает помещик повинность с крестьянина, — и называются: оброк или барщина. Величина оброка определяется качеством и количеством земли, близостью города и т. д. Но, во-первых, помещик иногда возвышает оброк, не соображаясь с средствами крестьян, а во-вторых, мужики не освобождены от различных работ, часто отнимающих у них драгоценнейшее время, как-то: обязанность ходить на барский покос (иногда в отдаленную деревню), езда с обозами в столичные и губернские города зимою и т. д. Барщина еще неопределеннее оброка; крестьяне, находящиеся на барщине, живут большею частью, так сказать, на хлебах у своих господ. Не успевая тщательным образом заняться обработкою своего участка, не имея вообще в сущности ничего *своего*, крестьянин обыкновенно уже весной начинает занимать свое продовольствие у помещика. Спешу заметить, что у многих помещиков крестьяне благоденствуют, но это благоденствие есть плод личных качеств господина, а не законного, неизменного порядка» (Тургенев И. С. Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине. С. 423).

Вместе с тем у этой зарисовки, взятой как целое, обнаруживается весьма вероятный, причем, на первый взгляд, неожиданный литературный образец. Вот как описывает два соседних американских штата Алексис де Токвиль:

Река, которую индейцы обычно называли Огайо, или Прекрасная Река, несет свои воды по самой изумительной долине, в которой когда-либо жил человек. По обоим берегам Огайо тянутся холмы с неистощимо плодородной почвой; там умеренный климат и здоровый воздух. Вдоль каждого берега проходит граница обширного штата: вдоль извилистого левого тянется граница штата Кентукки; штат, расположенный на правом берегу, носит то же название, что и река. Эти два штата различаются лишь в одном: в Кентукки разрешено иметь рабов, а в Огайо запрещено.

Таким образом, путешественник, плывущий по середине Огайо туда, где она впадает в Миссисипи, находится как бы между свободным обществом и рабовладельческим. И стоит ему поглядеть вокруг, как он сразу поймет, какое из этих общественных устройств способствует процветанию человечества.

Левый берег реки малонаселен, время от времени там можно видеть группы рабов, слоняющихся по полупустынным полям; часто встречается девственный лес. Общество, кажется, пребывает в спячке, а человек предается праздности, в то время как природа живет бурной жизнью.

Что же касается правого берега, то с него доносится неясный шум, свидетельствующий о работе где-то вдалеке промышленных предприятий, на полях видны богатые всходы. Земледельцы живут в красивых домах, свидетельствующих об их вкусе и старании. Все дышит достатком, человек выглядит богатым и довольным: он трется⁷.

В обоих приведенных текстах сравнивается облик и жизненный уклад двух смежных территорий, и контраст между ними связывается с противопоставлением свободы и несвободы. Конечно, у Токвиля, в соответствии с американскими условиями, антитеза предельно заострена: свободе противостоит рабство. Тогда как у Тургенева, по условиям российской действительности, контраст слегка затушеван: орловский мужик отрабатывает барщину, тогда как калужский мужик платит оброк⁸.

7. Де Токвиль А. О демократии в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 256.

8. В записке 1842 года Тургенев исходит из того, что называть крепостничество «рабством» было делом обычным. Сам он, однако, предпочитает говорить о «так называемом рабстве» крепостных хлебопашцев (*Турге-*

Заметим также, что столь несходные между собой и противопоставленные друг другу герои тургеневского очерка, Хорь и Калиныч, — оба крестьяне калужские, так что в рамках повествования контраст между двумя губерниями остается без какого-либо дальнейшего применения. Повествованию это не мешает: вступительный абзац воспринимается как зачин, и достаточно того, что дальнейшее действие развивается не где-нибудь еще, а в одном из двух названных мест. К тому же автор не забывает перекинуть мостик между вступлением и основной частью: «И для охотника в Калужской губернии лучше». Но все же в подобной структурной непоследовательности, когда в рассказе, который называется «Х и Y» и начинается с противопоставления А и В, Х и Y оказываются равно принадлежащими В, позволительно заподозрить лишний признак адаптации более логичной схемы.

В воспоминаниях и сохранившейся переписке Тургенева мне не удалось найти прямых указаний на его знакомство с «Демократией в Америке». Однако слишком многое указывает на то, что он должен был ее прочесть.

Книга Токвиля, основанная на материалах и впечатлениях от его путешествия по Америке в 1831–1832 годах, вышла в свет в 1835 году и имела огромный успех (второй том появился в 1840 году). Российская образованная публика не осталась в стороне. В первом томе пушкинского журнала «Современник» (весна 1836 года) на книгу обращает внимание Александр Иванович Тургенев — скорее однофамилец, нежели родственник, Ивана Сергеевича⁹. В частности, он пишет, что Талейран называет книгу Токвиля «умнейшею и примечательнейшею книгою нашего времени». Упоминает он и о сравнении Токвилем «русских и англо-американцев», цитируя слова о «тайном замысле Провидения передать однажды в руки каждого из этих народов участь половины мира»¹⁰.

В третьем томе «Современника» Пушкин помещает свой обзор книги Джона Теннера, долгое время жившего среди индей-

нев И. С. Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине. С. 427). Контекст побуждает думать, что делает он так, стремясь держаться исторически точного и осмысленного словоупотребления, а не только потому, что его рассуждение адресовано высоким чинам в Министерстве внутренних дел.

9. Вспоминая Николая Ивановича Тургенева (родного брата Александра Ивановича), Иван Сергеевич Тургенев говорит об «узах отдаленного родства» (*Тургенев И. С. Николай Иванович Тургенев* // Соч. Т. 11. С. 175).
10. Париж (Хроника русского) // *Современник*. 1836. Т. I. С. 258–295, особенно 273–274.

цев. «С некоторого времени, — начинает он, — Северо-Американские Штаты обращают на себя внимание в Европе людей наиболее мыслящих». Из дальнейшего ясно, что Пушкин имеет в виду прежде всего (если не исключительно) Токвиля и его «Демократию в Америке», которую чуть дальше называет «славной книгой»¹¹.

Своим сильным впечатлением от «Демократии в Америке» Пушкин предполагал поделиться с Чаадаевым. Впрочем, письмо его осталось по каким-то причинам неотправленным. Что же касается самого Чаадаева, то ему книга понравилась настолько, что он даже обнаружил в ней собственную мысль, украденную, как он выпалил в сердцах, Токвилем, «а именно, что *точка отправления народов определяет их судьбы*»¹².

Примечателен рассказ Герцена в «Былом и думах». В 1837 году в Вятку, где Герцен находился в ссылке, прибыл новый губернатор — Александр Алексеевич Корнилов. «Он был, — пишет Герцен, — ученик Лицея, товарищ Пушкина, служил в гвардии, покупал новые французские книги, любил беседовать о предметах

11. Пушкин А. С. Джон Теннер // Современник. 1836. Т. III. С. 205–259, особенно 205–207. См. далее: Алексеев М. П. К статье Пушкина «Джон Теннер» // Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. С. 542–548; Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Европа в травелогах и интертекстах. М.: НЛЮ, 2001. С. 31–40; Вольперт Л. И. Книга А. Токвиля «О демократии в Америке» // Пушкин и европейское мышление. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Тарту, 2001. С. 109–125 (автор этой статьи, к сожалению, не считается с тем обстоятельством, что многие из идей и замечаний Токвиля, привлекаемых ею для объяснения отношения Пушкина к «Демократии в Америке», происходят из той части книги, которая появилась уже после смерти Пушкина, в 1840 году).
12. Об этом он пишет в письме от 25 мая 1836 года, адресованном как раз А. И. Тургеневу (Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М.: Наука, 1991. Т. 2. С. 108). Александр Эткинд предполагает, что Чаадаев шутил (Эткинд А. Толкование путешествий. С. 22). Как бы то ни было, в эпоху формирующегося историзма такого рода ходы мысли витали в воздухе. В одной из записных книжек, которые Токвиль вел во время путешествия по Америке, имеется запись, датированная 29 сентября 1831 года: «Г-н Эверетт (Александр), бывший посол Соединенных Штатов в Испании и видный писатель, сказал мне сегодня вечером следующее: „Точка отправления для того или иного народа имеет колоссальное значение...“» (*De Tocqueville A. Journey to America / G. Lawrence (trans.); J. P. Mayer (ed.). New Haven: Yale University Press, 1960. P. 57f*). Правда, все приведенные примеры носят частный характер, они не затрагивают судьбу народа, что подразумевает Чаадаев и как это предстает в блестящих рассуждениях Токвиля.

важных и дал мне книгу Токвиля о демократии в Америке на другой день после приезда»¹³.

Словом, ясно, что книгу Токвиля читали и о ней говорили¹⁴.

Иван Тургенев в 1836–1837 годах был студентом филологического отделения Санкт-Петербургского университета. Невероятно, чтобы новый литературный журнал, издаваемый Пушкиным, прошел мимо него. Ведь, по собственным словам Тургенева, «Пушкин был в ту эпоху для меня, как и для многих моих сверстников, чем-то вроде полубога»¹⁵. К тому же Петр Плетнев, выступивший после гибели Пушкина в роли издателя «Современника», был профессором Тургенева, в эти самые годы показывавшего ему свои первые литературные опыты. О знаменитой книге Токвиля Тургенев должен был хотя бы слышать. Можно было бы предположить, что в эти годы Тургенева всерьез занимали лишь поэзия да немецкая философия, однако записка 1842 года показывает, что это не так.

Наконец, о том, что имя Токвиля прогремело среди образованных людей в России, свидетельствует сам Тургенев. Вот эпизод из романа «Рудин»: он написан в 1855 году, но действие происходит в начале 1840-х годов.

Читали ли вы эту книгу? *C'est de Tocqueville, vous savez?*

И Дарья Михайловна протянула Рудину французскую брошюру. Рудин взял тоненькую книжонку в руки, перевернул в ней несколько страниц и, положив ее обратно на стол, отвечал, что собственно этого сочинения г. Токвиля он не читал, но часто размышлял о затронутом им вопросе¹⁶.

К моменту написания романа Токвиль был известен именно «Демократией в Америке»; другая его знаменитая книга, о французской революции, выйдет годом позже. Поэтому почтение, с которым Дарья Ласунская протягивает Рудину какое-то второсте-

13. Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 8. С. 296.

14. Краткий, но ценный очерк восприятия Токвиля в России XIX века см. в книге: Исаев С. А. Алексис де Токвиль и Америка его времени. СПб.: Наука, 1993. С. 119–129; интересный дополнительный материал в статье: Дементьев И. Кто из героев русской литературы прочитал Алексиса де Токвиля? // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. Т. 2. № 1–2. С. 97–104; см. также: Дементьев И. О. «Страницы как будто для нас»: рецепция идей Алексиса де Токвиля в российской политической мысли XIX — начала XXI века // Место западных идей в российском общественном и правовом сознании: сб. науч. ст. Калининград: БФУ им И. Канта, 2016. С. 80–100.

15. Тургенев И. С. Литературный вечер у П. А. Плетнева // Соч. Т. 11. С. 11–12.

16. Тургенев И. С. Рудин // Соч. М.: Наука, 1980. Т. 5. С. 225.

пенное сочинение Токвиля¹⁷, отражает славу, принесенную тому книгой об Америке. Слово «книжонка», конечно же, показывает, что в 1855 году Тургенев совсем не склонен разделить почтительное отношение к Токвилю, однако и никакого идейного разногласия в приведенных строках не заявлено. Мотив для выступающего здесь раздражения — какого-то особого свойства, причем это раздражение может относиться как к почитателям Токвиля, так и к нему самому¹⁸. Так или иначе, за десятилетие, отделяющее создание «Рудина» от «Хоря и Калиныча» (вторая половина 1846 года), отношение Тургенева к Токвилю могло измениться (учтем, например, то обстоятельство, что в 1849 году Токвиль был министром иностранных дел Франции в правительстве Луи Бонапарта), поэтому приведенный пассаж из «Рудина» в любом случае свидетельствует как о популярности Токвиля, так и об определенном интересе самого Тургенева к Токвилю и разговорам вокруг него¹⁹.

Идея, что Тургенев заимствует у Токвиля скорее художественный прием, нежели какую-то содержательную идею, может показаться парадоксальной. Но нужно вспомнить, что на момент напи-

17. Скорее всего, имеется в виду «Записка о пауперизме», опубликованная в 1835 г. Главная мысль этого небольшого сочинения такова: сколь бы привлекательной ни казалась на первый взгляд благотворительность, организуемая государством и законодательством, подобные меры неизбежно влекут за собой ряд весьма отрицательных последствий; при этом Токвиль с сочувствием отзывается о христианской традиции личной благотворительности. По словам Дарьи Михайловны Ласунской, поющей, как сказано в романе, с чужого голоса, «больницы, училища — это все пустяки, ненужные выдумки», тогда как «благотворение должно быть личное, просвещение тоже» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 201–202*). В комментарии к этому месту не без резона указывается на голос Гоголя, но почему бы сторонникам подобных взглядов не использовать и авторитет Алексиса де Токвиля?

18. Гипотеза относительно подоплеки этого будет представлена в особой работе.

19. Во французский перевод «Рудина», который Тургенев готовил вместе с Луи Виардо, было внесено как бы мельчайшее, но на деле существенное изменение: «книжонка» превратилась в «книгу»: «Daria tendit le livre français à Roudine. Il le prit, en tourna plusieurs feuillets et le remplaça sur la table en répondant qu'il n'avait pas lu précisément cet ouvrage-là, mais qu'il avait souvent réfléchi sur les questions que traitait Tocqueville» (*Tourguénieff I. Dimitri Roudine, suivi du Journal d'un homme de trop et de Trois rencontres / L. Viardot (trad.), I. Tourguénieff (collab.). P.: Hetzel, 1862. P. 43*). Это не удивительно. Вышедшая в 1856 году книга Токвиля «Старый порядок и революция» вернула его к временам славы, и в 1859 году он умер знаменитым. При таких обстоятельствах неожиданный выпад в адрес Токвиля со стороны русского писателя был бы совершенно неуместным.

сания «Хоря и Калиныча» Тургенев — далеко еще не знаменитый писатель, и по своему характеру этот текст отличается от остальных, написанных позднее «Записок охотника». Это единственный из них очерк, причем в известной мере подчиненный определенной общественно-политической идее: русская народность и русская самобытность, убеждает нас автор, вполне совместимы с сознательным развитием в российской жизни европейских принципов и начал. С другой стороны, посвященный «месту черной расы в Соединенных Штатах» раздел «Демократии в Америке», откуда взят отрывок, сопоставляемый нами с началом «Хоря и Калиныча», а также предшествующий раздел о «состоянии и возможном будущем индейских племен» имеют отчетливое художественное измерение: они проникнуты внутренним драматизмом, они оба о судьбах (народов, расы, государства). Страницы, заполняющие два этих раздела, из числа лучших в книге Токвиля. Говоря языком того времени, в них сила ума, вызывающая восхищенное изумление, идеально дополняется благородством чувствительного сердца.

Насколько выразительной могла быть в глазах современников именно та страница из «Демократии в Америке», в которой мы усматриваем композиционный прототип вступления к «Хорю и Калинычу», показывает одна из записей на полях книги Токвиля, сделанная рукой Чаадаева:

Левобережный американец презирает не только труд, но и все предприятия, для успеха которых нужен труд; живя в праздном довольстве, он имеет и вкусы праздных людей...²⁰

Займствование отдельного художественного приема, разумеется, не делает знаменитый рассказ Тургенева менее замечательным произведением. Сходным образом выдающаяся наблюдательность и блестящий ум Токвиля не умаляются тем обстоятельством, что идеи, выраженные в обсуждаемом нами отрывке, он получил, в известной мере, в готовом виде. Сохранились записные книжки Токвиля периода путешествия по Америке²¹. 2 и 3 декабря 1831 года он заносит в одну из них содержание двух бесед с мистером

20. Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 1. С. 733. Пояснение комментаторов, что Токвиль имеет в виду «рабовладельческое население южных штатов», не противоречит истине по существу, но, конечно же, неверно в конкретном случае: «левобережный американец» — это житель штата Кентукки, лежащего на левом берегу реки Огайо.

21. Я воспользовался их изданием в английском переводе: *De Tocqueville A. Journey to America*.

Уокером — «выдающимся молодым юристом из Огайо», как характеризует его Токвиль²². Изложению второй беседы предшествует нечастая в его записных книжках пометка «важно». И впрямь в этой беседе можно найти целый ряд положений, отразившихся в «Демократии в Америке», однако я приведу лишь небольшую часть записи, которая имеет прямое отношение к нашему сюжету.

Вопрос. Правда, что Огайо и Кентукки весьма различны по своему духу?

Ответ. Разница громадная. Территория Кентукки была заселена на двадцать лет раньше, чем Огайо. Почва в Кентукки не менее плодородная, а климат более мягкий, страна вполне привлекательная. Однако Огайо в три раза превосходит Кентукки по численности населения и в десять раз — по размаху предпринимательской деятельности. Население Кентукки растет, но уровень жизни не повышается. Единственная причина столь разительного отличия — присутствие рабства в Кентукки и его отсутствие в Огайо. Там трудиться позорно, здесь — почетно. Там праздность, здесь — кипучая деятельность²³.

Я привел лишь небольшой отрывок беседы, однако не мистер Уокер, а сам Токвиль вводит в сопоставление двух штатов тот художественный, зримый элемент, присутствие которого особенно располагает думать о влиянии «Демократии в Америке» на текст «Хоря и Калиныча», а именно указание на то обстоятельство, что оба штата расположены по противоположным берегам одной реки. В другой записной книжке, где Токвиль, как правило, фиксирует не беседы, а собранные факты и собственные размышления, мы находим следующую запись, сделанную накануне процитированного разговора:

На примере штата Огайо легче всего увидеть, поразительным и отчетливым образом, как рабство или, напротив, свобода влияют на общественное состояние народа. Штат Огайо отделен от Кентукки всего лишь рекой. Почва одинаково плодородна по обеим сторонам реки, ситуация одинаково благоприятная, и между тем все разное. Здесь население одержимо лихорадочной деятельностью, испытывая все средства, чтобы заработать; люди выглядят бедными, будучи заняты ручным трудом, кото-

22. *De Tocqueville A. Journey to America. P. 90.*

23. *Ibid. P. 97.* Принято считать, что Уокер преувеличил разницу между Кентукки и Огайо (*Brogan H. Alexis de Tocqueville: Prophet of Democracy in the Age of Revolution. A Biography. New Haven; L.: Yale University Press, 2006. P. 201f).*

рый, однако, их обогащает. А там люди, на которых работают другие, причем к этим другим они выказывают мало сострадания, — народ, лишенный энергии, лихости, предпринимательского духа. На одной стороне потока труд почитаем и ведет ко всему остальному, на другой — презираем как черта рабская²⁴.

Развивая мысль, Токвиль подытоживает ее следующим образом:

Человек не создан для рабства, и *хозяева демонстрируют эту истину, пожалуй, даже лучше, чем рабы*²⁵.

На основании сопоставления разных записей мы можем ясно увидеть и что Токвиль беседовал с умными и знающими людьми, и что он знал, о чем их спрашивать.

Однако, помимо книг и записных книжек Токвиля, имеются еще произведения других авторов. И выясняется, что образ реки, разделяющей два соседних, но экономически различных мира, Токвиль все-таки не изобрел, а заимствовал, — скорее всего, неосознанно — у своего предшественника, также весьма именитого. В 1792 году англичанин Артур Юнг издал описание путешествий по Франции, предпринятых им в 1787, 1788 и 1789 годах преимущественно с целью изучить состояние сельского хозяйства в этой стране. Труд этот переиздавался, почти тотчас появился французский перевод, и некоторое время книга и ее автор были весьма знамениты. Токвиль использует и хвалит ее в своем позднем сочинении о французской революции²⁶, но вполне естественно предположить, что он прочитал ее еще до путешествия по Америке. Приведу цитату из Юнга:

Переместитесь из Фландрии или Артуа в Пикардию или же с эльзасской равнины — в Лотарингию или Франшконте... Вы попадаете в совершенно новое государство, вы переходите границу, отделяющую здравый смысл от неразумия. Там вы в саду, но стоит переправиться через реку — и вы на полях лентяев. Там ум человеческий деятелен и сметлив, здесь он находится в состоянии застоя и безжизненности²⁷.

24. *De Tocqueville A. Journey to America*. P. 263–264.

25. *Ibid.* P. 263.

26. *Де Токвиль А. Старый порядок и революция* / Пер. с англ. Л. Н. Ефимова. СПб.: Алетея, 2008. С. 15, 33, 73, 92 (книга Юнга «является одним из самых поучительных трудов, написанных о старой Франции»), 155, 190, 207.

27. “Step out of Flanders or Artois into Picardy, or out of the plain of Alsace into Lorraine or Franche Compté, and all principles, connections, combinations, and ideas are all broken; you are in a new kingdom; you pass a line of separa-

Великая проза (в отличие от стихов?) вырастает, похоже, не из сора, а на хорошо возделанной почве: Тургенев использует Токвиля, а Токвиль — не только свои наблюдения и разговоры с умными людьми, но и риторический прием, к которому для иллюстрации своих наблюдений прибегнул Юнг.

Вероятность того, что непосредственно Юнг, а не Токвиль повлиял на Тургенева, ничтожно мала. Ведь если у всех троих мы находим контраст между хозяйственным и жизненным укладом соседних территорий, то лишь у двоих — Токвиля и Тургенева — этот контраст связан с противопоставлением свободы и зависимости. Именно потому, что мысль Токвиля оказалась близка Тургеневу, ему в душу запало и художественное воплощение.

Остается несколько коротких замечаний.

Что касается деструктивного влияния рабства на рабовладельцев, то эта тема получит дальнейшее развитие в «Демократии в Америке». О плачевном положении самих рабов там сказано мало — Токвиль отсылает читателя к книге своего друга Гюстава де Бомона, с которым они вместе путешествовали по Америке²⁸.

У Тургенева акценты окажутся противоположными. В «Записках охотника» появляется целый ряд примеров барского произвола (особенно со стороны помещиц) — произвола, губящего личное счастье несвободных людей или же идущего вразрез с их природными задатками и склонностями. При этом у Тургенева нет ни одного примера человека, вышедшего из крепостного состояния и доказавшего, сколь многого можно достичь в состоянии безусловной свободы; последняя предстает лишь как свобода от барщины. Провинциальные дворяне описываются в «Записках охотника» без особой симпатии, но мысль о разлагающем воздействии крепостничества на самих дворян по крайней мере не бросается в глаза. Тургенев описывает крестьян и помещиков, какими он их знал и видел; он выстраивает характеры и судьбы и не претендует на глубокое проникновение в природу общественных установлений.

Итак, в одном случае появилось выдающееся исследование, в другом — выдающееся художественное произведение. Все сложилось наилучшим образом.

tion between common sense and folly. Here you are in a garden; cross a river, and it is the field of the sluggard: — on one soil the human mind seems active and alive, on the other it is torpid and dead” (*Young A. Travels during the years 1787, 1788, and 1789. L.: J. Rackham, 1792. P. 348*). Ср.: *Young A. Voyages en France / F. S. Soulès (trad.). 2 ed. P.: Buisson, 1794. P. 348*.

28. Де Токвиль А. О демократии в Америке. С. 252, прим. 30.

Библиография

- Алексеев М. П. К статье Пушкина «Джон Теннер» // Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. С. 542–548.
- Вольперт Л. И. Книга А. Токвиля «О демократии в Америке» // Пушкин и европейское мышление. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Тарту, 2001. С. 109–125.
- Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа: Из истории русско-европейских литературных и общественных связей. СПб.: РХГА, 2003.
- Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 8.
- Де Токвиль А. О демократии в Америке. М.: Прогресс, 1992.
- Де Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с англ. Л. Н. Ефимова. СПб.: Алетейя, 2008.
- Дементьев И. Кто из героев русской литературы прочитал Алексиса де Токвиля? // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. Т. 2. № 1–2. С. 97–104.
- Дементьев И. «Страницы как будто для нас»: рецепция идей Алексиса де Токвиля в российской политической мысли XIX — начала XXI века // Место западных идей в российском общественном и правовом сознании. Калининград: БФУ им И. Канта, 2016. С. 80–100.
- Исаев С. А. Алексис де Токвиль и Америка его времени. СПб.: Наука, 1993. С. 119–129.
- Париж (Хроника русского) // Современник. 1836. Т. I.
- Пушкин А. С. Джон Теннер // Современник. 1836. Т. III. С. 205–259.
- Тургенев И. С. Автобиография // Соч. М.: Наука, 1983. Т. 11.
- Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском // Соч. М.: Наука, 1983. Т. 11.
- Тургенев И. С. Записки охотника // Соч. М.: Наука, 1979. Т. 3.
- Тургенев И. С. Литературный вечер у П. А. Плетнева // Соч. М.: Наука, 1979. Т. 11.
- Тургенев И. С. Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянине // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. 2-е изд. М.: Наука, 1978. Т. 1.
- Тургенев И. С. Николай Иванович Тургенев // Соч. М.: Наука, 1983. Т. 11.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1982. Т. 1.
- Тургенев И. С. Рудин // Соч. М.: Наука, 1980. Т. 5.
- Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М.: Наука, 1991.
- Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Европа в травелогах и интертекстах. М.: НЛО, 2001.
- Brogan H. Alexis de Tocqueville: Prophet of Democracy in the Age of Revolution. A Biography. New Haven; L.: Yale University Press, 2006.
- De Tocqueville A. Journey to America / G. Lawrence (trans.); J. P. Mayer (ed.). New Haven: Yale University Press, 1960.
- Tourguénieff I. Dimitri Roudine, suivi du Journal d'un homme de trop et de Trois rencontres / L. Viardot (trad.), I. Tourguénieff (collab.). P.: Hetzel, 1862.
- Young A. Travels during the years 1787, 1788, and 1789. L.: J. Rackham, 1792.
- Young A. Voyages en France / F. S. Soulès (trad.). 2 ed. P.: Buisson, 1794.

IVAN TURGENEV AND ALEXIS DE TOCQUEVILLE
ON THE ECONOMIC CONSEQUENCES OF SERFDOM
AND FORCED LABOR

DMITRI PANCHENKO. Associate Professor, Department of the Problems of Convergence in Natural Sciences and Humanities, Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College); Associate Professor, Department of History, Saint-Petersburg School of Arts and Humanities, dpanchenko@hse.ru. St. Petersburg State University (SPbU), 58–60 Galernaya str., St. Petersburg 190121, Russia.

National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg (HSE St. Petersburg), 17 Promyshlennaya str., 198099 St. Petersburg, Russia.

Keywords: Ivan Turgenev; Alexis de Tocqueville; Arthur Young; serfdom; slavery; intertextuality.

The initial paragraph of Turgenev's "Khor and Kalinych" (the opening story of *A Sportsman's Sketches*) contrasts the society and economy of two neighboring regions. The key difference between their two ways of life hinges on the use of forced labor in one region and its absence in the other. Although Turgenev's description is certainly based on firsthand knowledge, it can be argued that the literary device he uses was inspired by a passage in *De la démocratie en Amérique* by Alexis de Tocqueville, who also contrasts the ways of life in two American states separated by a river with slave labour in one versus free labour in the other. Nor was Tocqueville the first to make use of a river separating economically divergent worlds: that device appears in Arthur Young's *Travels in France*. Although Tocqueville and Turgenev have much in common on this topic, Tocqueville was an inquirer who concentrated on the destructive influence of slavery on the slave owners themselves and their society, while Turgenev in *A Sportsman's Sketches* was a short story writer who showed how the institution of serfdom brutalized the serfs.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-199-212

References

- Alekseev M. P. K stat'e Pushkina "Dzhon Tenner" [On the Pushkin's Article "John Tenner"]. *Pushkin i mirovaia literatura* [Pushkin and World Literature], Leningrad, Nauka, 1987, pp. 542–548.
- Brogan H. *Alexis de Tocqueville: Prophet of Democracy in the Age of Revolution. A Biography*, New Haven, London, Yale University Press, 2006.
- Chaadayev P. Y. *Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma* [Complete Works and Selected Letters], Moscow, Nauka, 1991.
- De Tocqueville A. *Journey to America* (trans. G. Lawrence, ed. J. P. Mayer), New Haven, Yale University Press, 1960.
- De Tocqueville A. *O demokratii v Amerike* [De la démocratie en Amérique], Moscow, Progress, 1992.
- De Tocqueville A. *Staryi poriadok i revoliutsiia* [L'Ancien Régime et la Révolution], Saint Petersburg, Aleteiia, 2008.
- Dementiev I. "Stranitsy kak budto dlia nas": retseptsii idei Aleksisa de Tokvilia v rossiiskoi politicheskoi mysli XIX — nachala XXI veka ["Pages as if for Us": Reception of Alexis de Tocqueville's Ideas in Russian Political Thought of the 19th — early 21st centuries]. *Mesto zapadnykh idei v rossiiskom obshchestven-*

- nom i pravovom soznanii* [The Role of Western Ideas in Russian Social and Legal Consciousness], Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University, 2016, pp. 80–100.
- Dementiev I. Kto iz geroev russkoi literatury prochital Aleksisa de Tokvilia? [Which of the Heroes of Russian Literature Read Alexis de Toqueville?]. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], 2011, vol. 2. № 1–2, pp. 97–104.
- Etkind A. *Tolkovanie puteshestvii. Rossiia i Evropa v travelogakh i intertekstakh* [The Interpretation of Travels: Russia and America in Travelogues and Intertexts], Moscow, New Literary Observer, 2001.
- Generalova N. P. I. S. *Turgenev: Rossiia i Evropa: Iz istorii russko-evropeiskikh literaturnykh i obshchestvennykh svyazei* [I. S. Turgenev: Russia and Europe: From the History of Russian-European Literary and Social Connections], Saint Petersburg, RKHGA, 2003.
- Gercen A. I. Byloe i dumy [My Past and Thoughts]. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected Works: In 30 vols], Moscow, AN SSSR, 1956, vol. 8.
- Isaev S. A. *Aleksis de Tokvil' i Amerika ego vremeni* [Alexis de Toqueville and America of His Time], Saint Petersburg, Nauka, 1993.
- Parizh (Khronika russkogo) [Paris (Chronicle of a Russian)]. *Sovremennik* [Contemporary], 1836, vol. I.
- Pushkin A. S. Dzhon Tenner [John Tenner]. *Sovremennik* [Contemporary], 1836, vol. III, pp. 205–259.
- Tourguénieff I. *Dimitri Roudine, suivi du Journal d'un homme de trop et de Trois rencontres* (trad. L. Viardot, collab. I. Tourguénieff), Paris, Hetzel, 1862.
- Turgenev I. S. Avtobiografiia [Autobiography]. *Soch.* [Works], Moscow, Nauka, 1983, vol. 11.
- Turgenev I. S. Literaturnyi vecher u P. A. Pletneva [Literary Evening at P. A. Pletnev's]. *Soch.* [Works], vol. 11.
- Turgenev I. S. Neskol'ko zamechaniy o russkom khoziaistve i russkom krest'ianine [Some Notes about Russian Household and Russian Peasant]. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. 2-e izd.* [Complete Works and Letters: In 30 vols. Works: In 12 vols. 2nd ed.], Moscow, Nauka, 1978, vol. 1.
- Turgenev I. S. Nikolai Ivanovich Turgenev [Nikolai Ivanovich Turgenev]. *Soch.* [Works], Moscow, Nauka, 1983, vol. 11.
- Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t.* [Complete Works and Letters: In 30 vols. Letters: In 18 vols], Moscow, Nauka, 1982, vol. 1.
- Turgenev I. S. Rudin. *Soch.* [Works], Moscow, Nauka, 1980, vol. 5.
- Turgenev I. S. Vospominaniia o Belinskom [Memoirs of Belinsky]. *Soch.* [Works], Moscow, Nauka, 1983, vol. 11.
- Turgenev I. S. Zapiski okhotnika [A Sportsman's Sketches]. *Soch.* [Works], Moscow, Nauka, 1979, vol. 3.
- Volpert L. I. Kniga A. Tokvilia "O demokratii v Amerike" ["De la démocratie en Amérique" by Alexis de Tocqueville]. *Pushkin i evropeiskoe myshlenie. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. IV* [Pushkin and European Mind. Works on Russian and Slavic philology. Literature Studies. IV], Tartu, 2001, pp. 109–125.
- Young A. *Travels during the years 1787, 1788, and 1789*, London, J. Rackham, 1792.
- Young A. *Voyages en France* (trad. F. S. Soulès), 2 ed., Paris, Buisson, 1794.